

РОЛЬ ИСТОРИИ В ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ КОРЕИ

Галиев А.А.
КазУМОиМЯ, Алматы, Казахстан

Title: *The Role of History in the Socio-Political Life of Korea*

Author: *Galiyev Anuar A., KazUIR&WL, Kazakhstan*

Abstract: *History plays the big role in the life of peoples and states. It can be used to justify the right to authority, the area and benefits. It takes main place in domestic and foreign policy. this article is devoted to issues of the role of history in the social and political life of Korea, beginning from the ancient and medieval times to the present.*

Keywords: *History of Korea, legitimation of state, power, policy of memory*

Вопрос о роли истории в жизни общества, ее смысле и предназначении является одним из ключевых предметов исследования двух наук – как собственно истории, так и философии. Всем известны работы К. Ясперса [1], А. Тойнби [2], Й. Хейзинги [3], М. Блока [4] и многих других, но к сожалению или счастью, сказать о том, что проблема исчерпана и поставлена последняя точка, мы не можем. Представители двух вышеназванных наук зачастую не сходятся во мнениях, не находят общего языка в понимании предмета, хотя общеизвестно, что философия без истории мертва, а история без философии слепа.

Поэтому, как представляется, любое обращение к данной проблеме может нас хотя бы немного приблизить к ее пониманию.

В данном случае, хотелось бы вкратце рассмотреть роль истории в жизни Кореи и корейского народа, что возможно также поможет еще немного приблизиться к пониманию сути проблемы. В любом случае, обращение к данному примеру даст пищу для размышлений и сравнений.

Прежде чем перейти к собственно проблеме, необходимо отметить, что на Востоке истории придавалось особое значение. Любое начинание в Китае, как древнем, так и современном, предварялось обращением к истории, поискам аналогий и параллелей. Достаточно вспомнить, что так, например, начиналась

печально известная «культурная революция» [5].

Не меньшее значение придавали истории и номады Евразии. Так, благодаря трудам многих исследователей, в первую очередь Г. Маркова, [6], А.Хазанова [7], Н.Масанова [8] и других, известно, что у кочевников генеалогия, знание родословной лежало в основе всей структуры общества и давало право на имущество и землю.

Иначе говоря, история была и остается одним из главнейших и важнейших факторов легитимирующих право на что-либо, в том числе и на территорию, власть, государственность, независимость и на ту же самостоятельную внешнюю и внутреннюю политику.

За примерами далеко ходить не надо: общеизвестно, что причины напряженности между Грецией и Македонией заключается в том, что два государства претендуют на исключительное право наследовать великое прошлое. Историческое название «Азербайджан» служит камнем преткновения, между государством, носящим это имя и Ираном. Название того же Ирана (от «арий», страна ариев), извлеченное из глубин прошлого по инициативе лидеров Третьего Рейха, было принято руководством Персии, для обоснования претензий не только на прошлое. Третий Рейх принял данное название, чтобы обосновать претензии на связь с великими империями прошлого. Но на это же наследие претендовал и «Третий Рим» - Москва, Россия. Эту цепочку можно продолжать бесконечно.

Что же касается собственно Кореи, таким же хрестоматийным фактом является напряженность между Китаем, Кореей с одной стороны и Японией – с другой, в основе которой лежит освещение и трактовка событий Второй мировой войны в японских учебниках истории [9].

Современное положение на Корейском полуострове предоставляет нам огромное количество фактов, которое требует осмысления. Примечательно, что история ее интерпретация в двух корейских государствах, также стало предметом спора между двумя государствами. Но в отличие от, скажем, Греции и Македонии и/или Ирана и Азербайджана, население которых говорит на разных языках, и являются разными этносами, жители обеих Корей, относят себя к единому этносу, имеющему общее происхождение (1). Уникальность же данной ситуации заключается не в том, что народы Северной и Южной Кореи относятся к разным этносам (этого то, как раз и нет!), а в том, что два государства относятся к разным, враждебным друг другу

социально-экономическим системам, построенным на разных идеологиях и ценностях.

К примеру, авторы «Истории Кореи (новое прочтение)», так же отмечают, что последние десятилетия происходили на фоне противоречий между двумя корейскими государствами. Одним из важных элементов этого противостояния явилось стремление каждого из них доказать свою легитимность, для чего они представляли себя в качестве единственного исторического правопреемника восстановленной после Второй мировой войны корейской государственности [10, с.4].

Иначе говоря, корейский пример, является уникальным, поскольку апроприация прошлого служит не для легитимации этнического государства, а для узаконивания социально-экономического строя. В большей мере это конечно же относится к КНДР, одному из немногих оставшихся на Земле реликтов коммунистической системы, хранящему верность идеям Маркса-Энгельса - Ленина. Южная Корея, развивающаяся не по революционному, а по эволюционному пути, и в большей степени сохраняющая традиции «старинной глубокой», тем не менее, была вынуждена втянуться в ряде случаев в это соперничество.

Необходимо отметить, что предметами спора стали практически все периоды истории, в том числе и самый древний, каковым, как известно, является палеолит.

Прежде всего, как и в соседнем Китае, была сделана попытка показать прямую связь между древнейшим населением полуострова эпохи палеолита и современными корейцами. Это утверждение не только не находит какого-либо убедительного подтверждения, но и противоречит данным современной науки, которая установила связь между предками корейцев и японцев с носителями алтайской (а через нее ностратической) языковой семьи, которая конечно же формировалась вдали от Корейского полуострова. Желание же удревнить происхождение любого народа, как правило, связано не с наукой, а с политикой. При этом, все же наблюдается небольшая разница в позиции историков обоих корейских государств. Если в Южной Корее к утверждению такой связи только стремятся некоторые исследователи, то в КНДР, эта связь является аксиомой [10, с.15].

Предметом спора, но уже не между двумя Корейскими государствами, относящимися к разным общественно-политическим системам, а между КНДР и КНР, двумя

государствами, относящими себя к коммунистическим странам, является период бронзы.

Этот период, датируется специалистами VII – IV вв. до н.э. Но в КНДР, из политических соображений, предпочитают говорить о том, что эпоха бронзы относится, чуть ли не к началу II тысячелетия до н.э. Делается это по единственной причине, - корейская бронза не должна оказаться моложе китайской, периода Шан-Инь [10, с.19].

«Борьба за прошлое» между двумя коммунистическими государствами, имеет под собой все ту же причину, - легитимацию государственности. В определенной мере эта борьба связана с древней традицией китайской историографии приписывать основание того или иного государства китайцам, и тем самым закладывать фундамент как для территориальных притязаний, так и для вмешательства в дела этого государства. Ярким примером подобной традиции служит рассказ китайской династийной хроники об основании Гуннской империи, самого сильного в период древности врага Поднебесной.

«Предок хуннов был потомок Дома Хя-хэу-шы, по имени Шунь –вэй. Цзе-кхой, последний государь из сей династии, умер в ссылке в 1764 году по Р.Х. Сын его Шунь-вэй в том же году со всем своим семейством и подданными ушел в северные степи, и принял образ кочевой жизни. Китайская история полагает сего князя праотцем владетельных Монгольских домов». В пояснении И. Бичурина – «Хя хэу-шы, - есть историческое прозвание царей первой китайской династии Хя» [11, с.39,40].

Такая, достаточно подробная цитата из рассказа, не относящегося прямо к истории Кореи, была необходима, так как позволяет понять функцию историописания в Китае. Показав, что то или иное древнее государство и династия (в данном случае Гуннское), было основано китайцем, а затем эта династия стала правящей в Монголии, Китай получал право на последнюю.

Не удивительно, что зная об этой функции китайской историографии, корейские ученые удревняют начало периода бронзы, уравнивая его с периодом распространения в Китае. Это тем более очевидно, что в китайских династийных хрониках также имеется рассказ об основании древнего Чосона пришельцем из Китая. Им был вельможа иньской династии Ци Цзы (кор. Киджа), который не пожелав служить новой династии Чжоу, отправился на восток, где и основал в 1121 г. до н.э. государство, позже

признанное чжоуской династией в качестве удела Ци Цзы. Этот рассказ, впервые зафиксированный в труде китайского историка Сыма Цяня «Ши цзи» (1 в. до н.э.) стал каноническим и был неоднократно повторен в других хрониках [10, с.24].

Корейские историки, дабы не давать повода Китаю, обращаются к историческим сведениям, почерпнутым из источников, имеющих местное происхождение. Казалось бы, что единая цель должна объединить усилия историков обеих Корей, но в действительности и здесь мы наблюдаем политические споры на государственном уровне. Согласно наиболее распространенному в настоящее время этногенетическому мифу, древний Чосон был основан неким Тангуном в 2333 г. до н.э. Этот миф впервые встречается только в летописи «Самгук юса» («Забытые дела трех государств»), сочинении, составленном буддийским монахом Ирёном в 1285 г. Это произведение было написано в противовес «Самгук саги» («Исторические записки трех государств») известным государственным деятелем Ким Бу Саком. Последняя, созданная на основе хроник, не содержит упоминаний о Чосоне. Появление мифа о древнем Чосоне в «Самгук юса», привело к тому, что в определенных кругах, недовольных традиционной ориентацией корейской государственной традиции на Китай, Древний Чосон стал считаться первым корейским государством, а его основатель Тангун стал выступать в роли этнарха, превратившись затем в символ гомогенности корейской нации и древности ее происхождения. Но поскольку игнорировать конфуцианские традиции тоже было нельзя, позже была сделана попытка объединить обе традиции. В колониальный период, миф о Тангуне, не игравший ведущей роли, заметно повысил свой семиотический статус. Он стал играть весьма заметную роль в идеологии национально-освободительного движения и одним из краеугольных камней корейского национализма. В последнее время, этот миф заметно укрепил позиции в обеих Кореех. В Южной Корее, официально принято национальное летоисчисление по «эре Тангуна» (отсюда происходит формула о «пяти тысячелетней корейской истории»). Здесь предприняты попытки создания на базе культа Тангуна особой национальной религии. В Северной Корее Тангун объявлен реальной исторической личностью. Более того, здесь «обнаружили» могилу Тангуна и в 1994 г., над ней соорудили огромный мавзолей [10, с.23,24]. Апроприация Тангуна и исключительные права, признание его

исторической личностью прекрасно показывают, как «политика памяти» используется в политических целях.

Традиция связывать основание государства с древним, мифологическим периодом, с чудесным этнархом, наблюдается и в отношении других древнекорейских государств – Пэкче, Силла, Когурё.

Использование исторической традиции для легитимации вновь созданного государства, на Корейском полуострове возникла достаточно рано. Она четко прослеживается в истории создания Корё. В частности, основатель государства Корё Ван Гон (ванн Тхэджо, 918-943 гг.) был выходцем из влиятельной семьи, владевшей землями в районе Сонака, на севере страны. Его происхождение объясняет тот факт, что для названия государства он взял название Корё (Когурё, без среднего иероглифа, как оно иногда писалось в древности). Это государство практически никакого отношения к прекратившему свое существование за четверть тысячелетия до того государству Когурё не имело. Но Ван Гон использовал старую схему, известную в китайской истории, когда различные отцы-основатели для придания легитимности создававшимся ими государствам брали для них названия некогда существовавших приблизительно на этой территории названия политических образований.

В период существования Коре, мы можем наблюдать, как «политика памяти» получает поддержку на ритуальном государственном уровне. В это время, такие исторические личности как предки основателя династии Ван Гога становятся объектами поклонения. Существовал также храм Тонмёнсинса, где поклонялись основателю Когурё Тонмёну. В Пхеньяне был храм в честь Киджа как «правителя-просветителя». [10, с.89, 119-120].

Таким образом, в древний и средневековый периоды истории Кореи прошлому (реальному или вымышленному), придавалась исключительно важная роль. Она заключалась в легитимации правления путем установления связи между далеким прошлым и настоящим, между древними государствами и новыми политическими образованиями.

Невозможно осветить все функции, возлагаемые на историю в этот период, но необходимо отметить, что знанию прошлого государство уделяло огромное значение. Уже в 788 г. впервые в истории Кореи для отбора на государственную службу были введены экзамены, на которых победителям придавались три

степени учености в зависимости от успехов в изучении конфуцианских канонов и исторических сочинений [10, с.73].

Не меньшее значение придается истории и в нынешнее время в обеих Кореях. В частности, история также продолжает выступать в качестве фактора, легитимирующего государство. Она также играет важную роль и в отношениях с соседними государствами. В действительности же, в большинстве случаев подобного рода, «войны за прошлое» не имеют под собой никакой почвы. Греки и славяне-македонцы, формировались на одной этнической основе. Это же относится и к азербайджанцам и иранцам, карачаевцам-балкарцам и осетинам и др.. В свете теории конструктивизма, все эти народы, с одной стороны не более «чем воображенные сообщества», с другой же, - все они имеют равные права на наследие предков.

Список использованной литературы:

1. Ясперс К. Смысл и назначение истории. М.: Республика, 1994.
2. Тойнби А.Дж. Цивилизация перед судом истории. - М.: Айрис-пресс. 2003.
3. Хейзинга Й. Осень средневековья. М.: Наука, 1986.
4. Блок М. Апология истории или ремесло историка. М.: Наука, 1986.
5. Галиев А. Мифологизированная история Китая. Актуальные проблемы востоковедения: проблемы и перспективы Сборник материалов II международной заочной научно-практической конференции. Уссурийск, 2011. - С.150-155.
6. Марков Г. Е. Кочевники Азии. – М.: МГУ, 1976.
7. Хазанов А.М. Кочевники и внешний мир. - Алматы: Дайк-Пресс, 2002.
8. Масанов Н. Кочевая цивилизация казахов. – Алматы: «Социнвест – М.: «Горизонт», 1995.
9. Японский учебник возмутил соседей // http://news.bbc.co.uk/1/hi/russian/news/newsid_1258000/1258337.stm
10. История Кореи (Новое прочтение) / Под ред. А.В.Торкунова. – М.: Московский государственный институт международных отношений; РОССПЭН, 2003.
11. Бичурин Н.Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. – Т. I., Алматы: Жалын, 1998.